

ФАНТАЗИЙНЫЕ УСАДЬБЫ ДАЧНОГО ПОДМОСКОВЬЯ

АВТОР: Галина УЛЬЯНОВА

Открытая для движения в 1867 году, Московско-Курская железная дорога с самого начала взяла на себя роль транспортной артерии, связавшей Первопрестольную с богатыми южными районами – Украиной, Крымом и Кавказом. Дорога строилась с размахом и сразу обрела завидной инфраструктурой и новыми дачными поселками.

Дачи начинались уже со станции Чесменка, в восьми верстах от Москвы. (Позже платформу переименовали в Текстильщики: здесь был построен дом отдыха профсоюза текстильщиков.) А Чесменкой местность называлась по усадьбе фаворита императрицы Екатерины II — графа Орлова-Чесменского. Усадьба эта существовала еще в середине 1920-х годов, и «Путеводитель по окрестностям Москвы», выпущенный издательством «Молодой ленинец», писал следующее: «Исторической достопримечательностью можно назвать старинный дворец времен Екатерины, достаточно разрушенный временем и одряхлевший,

но все же сохранивший следы былой красоты. Двухэтажный барский дом оброс паутиной: в нем селятся только пауки да крысы, а в ущербленных карнизах над окнами свивают свои гнезда голосистые ласточки».

Но фактически настоящие места для летнего отдыха начинались со станции Люблино. Путеводитель 1855 года называл Люблино «одним из любимых гуляний московских жителей». Из русских знаменитостей здесь отдыхали историк Карамзин и писатель Достоевский, для которого Люблино было «одним из прелестнейших местоположений в мире». Думается, писатель не лукавил, хотя предыдущие два лета по три

Путеводитель 1855 года называл Люблино «одним из любимых гуляний московских жителей». Из русских знаменитостей здесь отдыхали историк Карамзин и писатель Достоевский

К основным люблинским красотам относились усадьба и живописный липовый парк при ней. Путеводитель по окрестностям Москвы 1902 года сообщал: «Владельцами Люблина устроен роскошный тенистый парк <...> с красивыми пестрыми цветниками. Барский дом замечателен по своей архитектуре; он построен в 1801 году Дурасовым, тогдашним владельцем имения, в память получения им креста Святой Анны»

месяца лечился в Германии, Италии и Швейцарии. Находясь в Люблине, Федор Михайлович написал несколько глав «Преступления и наказания».

К основным люблинским красотам относились усадьба и живописный липовый парк при ней. Путеводитель по окрестностям Москвы 1902 года сообщал: «Владельцами Люблина устроен роскошный тенистый парк <...> с красивыми пестрыми цветниками. Барский дом замечателен по своей архитектуре; он построен в 1801 году Дурасовым, тогдашним владельцем имения, в память получения им креста Святой Анны».

В память о награде дом, построенный по проекту архитектора Ивана Еготова, ученика Матвея Казакова, был сделан в форме креста. Дом стал одним из лучших образцов классицизма в Москве:

с коринфскими колоннами, барельефами на стенах, высоким куполом со статуей святой Анны наверху. Соответственно форме креста внутри дома на каждом из двух этажей имелся круглый зал посередине, из него — входы в четыре гостиные: в одной музицировали, в другой проводились застолья, и т. д.

Особенно роскошными были потолочные и настенные росписи живописца-декоратора итальянца Джованни Батиста Скотти — того самого, что расписывал в Петербурге Шуваловский, Аничков и Елагин дворцы, Адмиралтейство, царскую резиденцию в Павловске. Потолочный плафон одной из гостиных является копией «Колесницы Солнца» — известного плафона Гвидо Рени из римского палаццо Паллавичини-Роспильози (1610 год).

Князь Голицын решил в имени Дубровицы исполнить свою прихоть, построив храм – высокую ажурную башню в стиле барокко, все стены которой покрыты белокаменной резьбой. Фундамент в основе представлял крест. Создание такой необычной по форме церкви стало реальным, конечно, только благодаря всемогуществу Голицына. Денег он не считал – заказал проект церкви шведскому архитектору Никодемусу Тессину-младшему, автору королевского дворца в Стокгольме. Мало того, для строительства церкви Голицын выписал из Италии сотню первоклассных мастеров, которые и создали эту жемчужину архитектуры на лугу среди подмосковного леса

Современники писали, что Николай Алексеевич Дурасов «хвастал богатством», за что его многие не любили. Однако все ездили к нему в гости, поскольку «он угощал роскошно Москву, жил в своем Люблине, как сатрап, имел в садках всегда готовых стерлядей, в оранжереях — огромные ананасы». У Дурасова в усадьбе был знаменитый крепостной театр, который по приглашению хозяина посещала московская элита и иностранцы, приехавшие в Москву.

Затем имение перешло к племяннице Дурасова Писаревой, а потом — к купцу Голофтееву, владельцу знаменитого галантерейного пассажа на Кузнецком мосту. По данным 1899 года, усадьба площадью 99 га оценивалась в 358 427 руб. (современные \$7,2 млн). При Голофтееве дачное строительство в Люблине расцвело — число дач увеличилось до 300.

Но двинемся дальше. Следующее примечательное место на Курской дороге — конечно, Царицыно. Все, кто ездил на электричке, обращали внимание на изящное здание станционного вокзала в стиле модерн, которое появилось на рубеже XIX–XX веков.

В разное время здесь отдыхали многие знаменитости: поэт Гавриил Романович Державин, писатели Леонид Андреев и Иван Бунин, блистательная балерина начала XX века Екатерина Гельцер. Последняя пользовалась бешеным успехом у тогдашних московских олигархов, без памяти влюбленный в Гельцер табачный фабрикант Бостанджогло оборудовал для нее в своем особняке танцевальный зал, украшенный двумя аквариумами с живыми громадными японскими саламандрами.

Трагическая история, как Екатерина II забракела дворец, который был почти достроен под руководством Василия Баженова, и как по высочайшему повелению его разобрали, известна всем. Баженова отстранили от работ, на его место пришел Матвей Казаков. Он довел строительство до конца, придав дворцовому ансамблю тот вид, который мы знаем сейчас. После смерти Екатерины в зданиях, которые уже были подведены под крыши, никто не обитал, они медленно заросли травой и деревьями и вскоре стали похожи на заколдованные замки, о которых пишут в детских

**Большая семья Чеховых
на крыльце мелиховского
дома. 1892 год**

сказках. Царицынский парк, разбитый в английском стиле, имел множество извилистых аллей, холмов и оврагов.

Зато дачная жизнь в этих романтических пейзажах была ключом. С конца XIX века и до начала 1930-х годов здесь был открыт сад Дипмана с летним театром и кегельбаном. В 1914 году, после антинемецких погромов, прусский подданный Бальтазар Дипман уехал в Германию, но сад носил его имя еще более 20 лет.

Далее по Курской дороге есть еще одно интересное место — усадьба князей Голицыных Дубровицы. В Дубровицах находится исключительный по ценности памятник зодчества XVII века — Знаменская церковь, включенная практически во все мировые архитектурные энциклопедии.

Построил церковь в 1690–1704 годах князь Борис Алексеевич Голицын — воспитатель Петра I. Голицын был богатейшим вельможей своего времени (и сам по себе, и по беззастенчивой привычке брать взятки), много ездил по Европе, много чего повидал. В имении Дубровицы — этом глухом уголке Подмосковья — он решил исполнить

свою прихоть, построив храм — высокую ажурную башню в стиле барокко, все стены которой покрыты белокаменной резьбой. Фундамент в основе представлял крест.

Создание такой необычной по форме церкви стало реальным, конечно, только благодаря всемогуществу Голицына. Денег он не считал — заказал проект церкви шведскому архитектору Николемусу Тессину-младшему. Тессин учился в Италии, научился строить дворцы не хуже итальянских и выполнил престижнейший заказ, построив королевский дворец в Стокгольме.

Прослышав о шведском таланте, Петр I пригласил Тессина в Петербург для строительства кафедрального собора. Князь Голицын держал ухо востро и отдал Тессину заказ на храм в своих Дубровицах. Мало того, для строительства церкви Голицын выписал из Италии сотню первоклассных мастеров, которые и создали эту жемчужину архитектуры на лугу среди подмосковного леса. Открытию храма предшествовало почти 15 лет ювелирной работы над камнем, а на освящении церкви присутствовал сам Петр I с семьей.

«Исторической достопримечательностью можно назвать старинный дворец времен Екатерины, достаточно разрушенный временем и одряхлевший, но все же сохранивший следы былой красоты»

Князь Борис Алексеевич Голицын – воспитатель Петра I – был богатейшим вельможей своего времени (и сам по себе, и по беззастенчивой привычке брать взятки), много ездил по Европе, много чего повидал

Возможно, что эта церковь гармонией своего облика питала вдохновение великого композитора Петра Ильича Чайковского, который гостил в 1884 и 1885 годах в имении Плещеево, неподалеку от Дубровиц. Имение принадлежало Надежде Филаретовне фон Мекк — меценатке и другу Чайковского. Вот что интересно: почти за 20 лет переписки и общения композитор и преклонявшаяся перед его талантом госпожа фон Мекк никогда не встречались. Это было условием, которая поставила Надежда Филаретовна, супруга крупнейшего железнодорожного магната. Она считала, что, давая немалые деньги Чайковскому, может обидеть его, задеть его гордость, а потому совершала свои благотворительные поступки незримо.

Вот и в Плещеево Чайковский приезжал только в отсутствие хозяйки. Здесь он мог работать в прекрасных условиях: огромный рояль в большой зале был очень хорош, прислуга передвигалась еле слышно, а за окнами барского дома млели чудесные подмосковные вечера...

Покой и гармоничная природа южного Подмосковья исцеляли израненную душу и другого русского гения — Антона Павловича Чехова. Жили Чеховы в Москве скромно, даже скудно, так что, когда начались приличные заработки, 32-летний Чехов (фактически исполнявший роль главы семьи и кормильца) решил приобрести для своего большого семейства (мать, отец, четыре брата и сестра) загородное жилье, «чтоб не платить за дрова и квартиру»

в Москве. Весной 1892 года было куплено Мелихово в Серпуховском уезде, в 13 км от станции Лопасня. Здесь Чеховы жили всей семьей в 1892–1898 годах. Чеховы продали Мелихово в 1899 году, когда состояние Антона Павловича резко ухудшилось (у него был туберкулез), и пришлось сменить Подмоскovie на Ялту.

Чехов писал друзьям: «Третьего дня был в имении, которое покупаю. Впечатление ничего себе... Дом новый, крепкий, с затеями. Мой кабинет прекрасно освещен сплошными итальянскими окнами и просторнее московского». Писатель трепетно относился к своей усадьбе, была она недорогой (5778 руб.), но весьма обширной (233 га). Тут он много и плодотворно работал — написал «Палату № 6», «Человека в футляре», «Три года», пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня».

Многие подробности «Чайки» навеяны обстановкой Мелихова. Возглавлявший Художественный театр В. И. Немирович-Данченко, вспоминая Мелихово, писал: «Я не могу отделаться от впечатлений, что сцена, которую устраивает Треплев, прошла на этой ал-

лее, идущей к озеру, и в «доме играют», и «красная луна», и «лото в четвертом действии».

Жизнь в Мелихово была наполнена не только литературными занятиями. Чехов с удовольствием копался в саду, даже выписывал из Риги черенки роз. Была и «вечная толпа баб и мужиков, приходивших к своему «дохтуру» с разными болезнями». Несмотря на то что дел всегда было невпроворот, да и здоровье не радовало, Антон Павлович преодолевал свою хандру розыгрышами. От мелиховского периода жизни Чехова осталась шуточная фотография, история которой, изложенная Гиляровским, такова:

«Кто-то из братьев Чеховых имел фотографический аппарат... И вот однажды ранней весной, только что снег сошел, мы гуляли в саду, Антон Павлович обратился ко мне: «Гиляй, я устал, покатай меня на тачке!» — и сел в тачку. Туда же поместился его брат Миша, бывший тогда еще гимназистом, а когда я привез их к дому, то пожелали снять фотографию. На этой фотографии еще два брата Чехова — родной Иван и двоюродный Алеша».

**Мелихово.
Гиляровский катает на тачке
Антон и Мишу Чеховых.
1892 год**